

(Куана) — Карбана (Кокиана) арабских источников не может быть отождествлена с Киевом; И. В. Дубов в тексте предложил искать ее «в районах Верхнего и Среднего Поднепровья» (с. 116), а на карте поместил в Верхнем Поднепровье, видимо, сопоставив Куйабу с Гнездовым (Смоленском? — см. рис. 4, с. 202). Только недостаточное системное исследование письменных источников не позволило автору сделать следующий шаг и признать, что все «три группы Руси» локализуются в Верхнем Поволжье, а группа с центром в городе Куйаба/Куана расположена еще ближе к Волжской Болгарии, чем Славия и Артания. И. В. Дубов ошибается, утверждая, что Артания описывается в сочинениях Ибн Хордадбега и ал-Балхи. В действительности древнейшее описание «трех групп» содержится в сочинении ал-Истахри, написанном около 930—933 гг. и известном во второй редакции 950—951 гг.

Сочинение Ибн Фадлана, побывавшего в 922 г. в Болгарии, убеждает в том, что в это время ни система из «трех групп и трех городов Руси», ни город Булгар еще не представляли собой заметные реалии. Безусловной реальностью они стали к 950, а может быть, и к 930 г. Таким образом, возникновение социально-экономической системы из «трех групп Руси» (расстояния между центрами которых составляет, по Идриси, 4 дня пути) относится ко второй четверти X в. (или к 922—930 гг.). Но именно этим временем датируется и возникновение в Верхнем Поволжье трех новых групп курганных могильников⁶ и поселений вокруг озер Неро, Клещина и в бассейне Нерли Клязьминской. Эти три центра освоения Волго-Клязьминского междуречья появились уже в рамках единого Древнерусского государства со столицей Киевом; об относительно стабильной ситуации говорит отсутствие кладов X в. в Верхнем Поволжье. Близким временем (920—940-е гг.) датируются древнейшие культурные отложения в Новгороде.

Центрами двух первых групп являлись г. Ростов (Арса/Арта, позднее — Артаб арабо-персидских текстов) и, видимо, крепость на Александровой горе с расположенным рядом открытым поселением и могильниками (скорее всего, Переяславль Старый; корень «слав» в этом топониме соответствует Славe/Салабе восточных текстов). Центром третьей группы — Куана/Куйаба/Кокиана, возможно, был комплекс из городища, селища и могильников у с. Васильки, самый южный и выразительный в группе. По Истахри и Ибн Хаукалю, группа Славия являлась «самой отдаленной» от Болгарии и «самой главной», т. е. там, видимо, сидел князь (воевода?), подчинявшийся непосредственно киевскому князю; группа Артания (вобравшая и Тимеревский комплекс) — самый мощный источник экспорта северных (меха) и западных (мечи) товаров. Третья группа контролировала выдвинутое на юго-восток торжище на берегу Нерли, сообщавшееся удобными речными и сухопутными путями с Волжской Болгарией. В конце X в. центром третьей группы, видимо, становится Суздаль (скандинавское *Sudrdaigr*, Сузр-даль, т. е. «южная долина»), где, по данным В. Н. Татищева, в 982 г. Владимир закладывает крепость, остатки которой, возможно, и были обнаружены недавно М. В. Седовой. И. В. Дубов практически игнорировал памятники Суздальского ополья.

Жаль, что И. В. Дубов лишь подошел к очерченным сопоставлениям и проблемам, проверка которых на археологическом материале необходима и перспективна. С другой стороны, безусловно, важна для изучения очерченного круга явлений постановка им многих проблем и частичное решение некоторых вопросов. Труды И. В. Дубова, стимулировавшие работу его коллег и учеников, помогают перевести старинный диалог письменных и археологических источников на новый уровень и подойти вплотную к основательному взаимопроверяющему пересмотру всех источников, имеющих отношение к проблеме зарождения русской государственности и народности.

Д. А. Мачинский

Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах появления славян на северо-западе Восточной Европы. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 23—24.

⁶ Лапшин В. А. Ранняя дата владимирских курганов. — Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. М., 1981, № 166, с. 45—48, карта на с. 47.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Bo Lönnqvist. Suomenruotsalaiset. Kansatieteellinen tutkielma kieliryhmästä. Jyväskylä. 1981, 174 s.

Книга Бу Лёнквиста «Финляндские шведы. Этнографическое исследование языковой группы» посвящена одной из современных этнокультурных проблем Финляндии, особенностям положения шведского населения этой страны. Одной из задач, которые ставил перед собой автор, было установить, существовала ли у шведского сельского населения страны особая традиционная культура, которая отличала их от финнов. О том, что этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, свидетельствует, в частности, то, что в работе «Проблемы культурной идентификации», опубликованной в 1978 г. Финляндским комитетом ЮНЕСКО, шведы Финляндии определены именно как «культурное меньшинство» (с. 10).

В начале книги автор обращает внимание читателей на некоторые особенности

шведоязычного меньшинства страны. Прежде всего, сельское шведское население имело территорию компактного расселения, сложившуюся еще в XIII—XIV вв. Далее шведский язык со времен завоевания Финляндии шведами с XII в. и до второй половины XIX в. (т. е. и после вхождения ее в состав России) был единственным официальным языком страны, и поэтому шведское население в прошлом не рассматривало себя как «меньшинство». Существенно также то, что шведский язык и теперь продолжает оставаться вторым государственным языком страны.

В 1980 г. шведоязычное население составляло 300 тыс. человек или 6% населения Финляндии. Большая часть его (52%) живет в городах и поселках городского типа, остальные 48% расселены в приморских районах провинций Похьянмаа (шв. Эстерботния) и Уусимаа (шв. Нюланд), а также на Аландских островах и Туркусском архипелаге.

За последние сто лет доля шведского населения — при некотором абсолютном его росте — снизилась вдвое — с 14,3% до 6%. Это объясняется, в известной мере, эмиграцией в Швецию и ассимиляционными процессами, в которых существенную роль играют смешанные браки (11%) (с. 30). В смешанных семьях на выбор детьми основного языка влияют, в первую очередь, родной язык матери, а также окружающая среда и школа. Характерно, что до недавнего времени шведки реже вступали в брак с финнами, чем шведы с финками, что объясняется стремлением женщин не терять в браке более высокий социальный статус шведоязычного населения.

В первых двух главах Б. Лёнквист излагает историю расселения шведов в Финляндии, природные условия этих мест, социальный состав шведского населения, проблемы развития шведского языка и связанное с этим законодательство. Затем он переходит к чисто этнографическим проблемам. В третьей главе «Старые черты культуры» автор рассматривает те ее элементы, которые восходят к средневековью и были принесены переселенцами из Швеции. В четвертой главе «Хозяйство и общественная жизнь» автор показывает, что именно у шведского населения Финляндии наряду с сельскохозяйственными занятиями и рыболовством долго сохранялись старинные промыслы (сбор птичьих яиц и пуха, охота на тюленя), а также более устойчиво держались общинные традиции, в том числе и такие, которые у финнов вообще исчезли. Так, в некоторых местностях (в частности, на о. Чёкар) вплоть до 1918 г. всеми землями распоряжалась община — деревенский сход, во главе которого стоял выбиравшийся на год староста (alderman). Почти повсеместно сохранялись неразделенные общинные покосы или ежегодно проводилось перераспределение покосных полос. Также ежегодно менялись участки, которыми пользовался крестьянский двор для сбора птичьих яиц и пуха, и рыболовные тони (во внутренних водах).

Особенно устойчиво общинные традиции держались в Похьянмаа, некоторые их пережитки сохранились вплоть до наших дней.

При известной консервативности общественного быта финляндским шведам были свойственны оживленные внешние контакты, чему способствовало хорошо развитое фрахтовое, так называемое крестьянское судоходство (bondeseglation). Этой отрасли хозяйства Б. Лёнквист посвятил пятую главу. В качестве торговых грузов «крестьянский флот» вывозил из Финляндии в основном рыбу, меха, скот, деготь, лес; в страну же ввозил, в первую очередь, рожь и соль. На южном побережье, в Уусимаа, наибольшего развития такого рода торговля достигла в XIV—XVII вв., а главным партнером в торговых связях был Таллин. У похьянмааских шведов расцвет крестьянского мореходства приходится на XVII—XVIII вв., причем предметом вывоза был преимущественно деготь, на который в то время на европейском рынке был большой спрос. Крестьянское мореходство просуществовало на Аландских островах до 1920-х гг., когда парусный флот вытесняется из торгового судоходства. Именно аландские суда играли большую роль в доставке из Швеции железа на заводы Финляндии.

Интенсивные торговые связи шведского населения Финляндии со Швецией, частое посещение шведских городов способствовали проникновению в быт крестьянства различных элементов шведской городской культуры. Особенно ощутимо это сказывалось на формах и декоре мебели. В жилищах крестьян Уусимаа вплоть до XIX в. сохранялись стилистические влияния готики и Ренессанса, проникшие сюда еще в XVI в., в период оживленной морской торговли. В крестьянской культуре Похьянмаа проникновение шведского влияния относится в основном к XVII—XVIII вв. Здесь особое развитие получили резная и расписная мебель с мотивами барокко и рококо.

Но в целом наибольшее воздействие шведской культуры, в том числе традиционной, испытали Аландские острова и Туркусский архипелаг. Во многом шведское влияние далее на материк не проникло, так что финляндские этнографы рассматривают эти острова как особую этнографическую подобласть.

Уже в прошлом значительная часть шведского населения Финляндии жила в городах. Б. Лёнквист считает возможным объяснить это тем, что города в Финляндии до XVIII в. возникали преимущественно на морском побережье, в районах расселения шведов (с. 15). Шведское городское население не только пополнялось новыми выходцами из сельской местности, при этом, как показывает автор, ушедшие в город шведские крестьяне сохраняли устойчивые связи с родной деревней. Это с одной стороны, способствовало дальнейшему процессу миграции в город, с другой — распространению городского влияния в шведской деревне. Кроме того, контакты шведского населения города и деревни развивались благодаря так называемой партнерской торговле. Крестьянин постоянно сбывал свою продукцию одному и тому же лицу, при этом, приезжая в город, он останавливался в его доме, часто брал необходимый товар в долг и таким образом оказывался прочно связанным с определенным скупщиком своего рода патронными отношениями.

Влияние города проявлялось в сельской местности в распространении новых строительных навыков, архитектурных деталей, моды в одежде, новых элементов в обрядности и т. д. Воздействие поместной дворянской культуры по сравнению с непосредственным влиянием города было меньшим, а в Похьянмаа, где не было поместий, и вовсе отсутствовало.

С начала XVII в. в приморских районах, в первую очередь в местностях, заселенных шведами, возникают небольшие, преимущественно железоделательные и стекольные заводы, текстильные фабрики. Они основывались, в первую очередь, предпринимателями шведского происхождения, которые выписывали обычно управляющих, инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих из Швеции, Германии, Нидерландов. Неквалифицированные рабочие набирались из местной бедноты: рыбаков, торпарей, батраков. Таким образом, уже в XVII в. какая-то часть шведского населения Финляндии превращается в промышленных рабочих, попадая в принципиально новые трудовые и бытовые условия, с иным ритмом рабочего дня, отличными от прежних трудовыми навыками, формами оплаты и снабжения.

Характеризуя быт такого населения, автор пишет о «патриархальных отношениях» между рабочими и работодателями. Однако давно и хорошо известно, что они были призваны лишь маскировать жестокую эксплуатацию рабочих. С индустриализацией страны часть рабочих стала уходить с сельских заводов в города, прежде всего в столицу. Благодаря имеющимся уже профессиональным навыкам и знанию шведского языка они получали обычно лучшую работу, чем финны, шедшие в город прямо «от сохи». При том, что руководящие посты на предприятиях в то время обычно занимали шведы, шведоязычные рабочие могли рассчитывать и на продвижение вверх по социальной лестнице. Они оказывались в лучшем положении, чем финны — выходцы из деревень, для которых поле деятельности в городе было крайне узким не только в силу приниженого положения в общественной иерархии, но и из-за незнания шведского языка.

Автор отмечает также, что привилегированное положение большинства шведских рабочих, а также несомненное влияние националистически настроенной Шведской партии, сказывалось на том, что они в массе оставались в период революционного подъема в России в стороне от рабочего движения (с. 127).

Рассмотрев основные особенности быта шведского трудового населения Финляндии, автор в главе «Культурная область, культурная граница и языковая граница» возвращается к той проблеме, которая была названа им в начале книги — можно ли говорить об особой, отличной от финской, народной культуре шведского крестьянского населения — и дает на это отрицательный ответ. Во всех местностях расселения шведов в Финляндии их традиционная культура не отличалась от культуры местного финского населения, разделяла их только языковая граница. Шведское население сельских областей страны выступало лишь как посредник в распространении новшеств, идущих с Запада, причем эта роль сохраняется за ним в известной мере и по сей день.

Заключительные разделы книги посвящены вопросам формирования у финляндских шведов национального самосознания и символов их этнической идентификации. Этот процесс сложения — по выражению автора — «групповой идеологии» и «символов национальной культуры» (с. 10) шел в течение последних ста лет.

В настоящее время сложился определенный круг этнокультурных явлений, которые рассматриваются шведами Финляндии как символы их национальной культуры. Так, например, еще в начале века «Союз шведского народа» и «Общество Пера Браге» стали проводить спектакли-инсценировки шведской крестьянской свадьбы, воспроизводившие старинную обрядность, с исполнением народных песен и танцев. Они стали традиционными в репертуаре различных молодежных обществ и служат символической демонстрацией народной культуры шведов. В форме общественного праздника проводит шведское население поднятие «майского шеста» на Иванов день, церемония сопровождается исполнением народных песен и танцев. Еще одним «символом» культуры шведского меньшинства стал день св. Люции (13.XII), который превратился при этом из старинного семейного праздника в общественный. Характерно также возрождение народного костюма, который сначала стали использовать при своих выступлениях певческие хоры и танцевальные ансамбли, а затем он получил и более широкое распространение как одежда для торжественных случаев.

К сожалению, в рамках рецензии нет возможности остановиться на всех интересных фактах и деталях, которые приводит и анализирует автор. Книга, несомненно, будет пользоваться большим спросом в Финляндии, так как касается весьма актуальной и теперь, а недавно и очень острой, проблемы взаимоотношения и соотношения финноязычных и шведоязычных граждан Финляндии.

При всей нашей высокой оценке книги мы не можем не высказать некоторых критических замечаний, которые начинаются с того, что книга ориентирована все же на читателя, хорошо знающего историю и этнографию страны. Но для широких слоев и особенно зарубежных читателей следовало бы дать краткую общую характеристику этнографии Финляндии, деление ее на западную и восточную этнографические подобласти, в первой из которых влияние шведской культуры во всех областях быта было особенно велико.

На наш взгляд, работе следовало бы предпослать и более широкое историческое введение. Современное положение шведского меньшинства в Финляндии должно быть показано на общем историческом фоне. Нельзя обойти то обстоятельство, что завоевание Финляндии Швецией в XII в. поставило финнов в их собственной стране на семь веков в неравноправное по сравнению со шведами положение. Национальное угнетение финнов проявлялось в значительной мере в том, что единственным официальным языком

страны до II половины XIX вв. был шведский. Острота языковых конфликтов, которым уделено автором немало места (в 1, 2 главе и далее), и которая была характерна для конца XIX — начала XX вв., определялась не только стремлением шведов сохранить права своего языка, но и тем, что это был период борьбы финнов за утверждение финского языка во всех сферах жизни.

Более широкое историческое введение сделало бы понятнее также вопросы большей социальной мобильности шведов, о которой неоднократно говорит автор (с. 10, 101 и др.). Однако при этом им опускается вопрос о том, что эта особенность шведского крестьянства была связана со знанием шведского языка, языка привилегированных слоев страны, что ставило их в лучшее положение по сравнению с финским крестьянством, возможности социального развития которого сдерживались помимо прочего и языковым барьером. Вероятно, автору следовало после рассмотрения механизма проникновения в культуру шведских крестьян Финляндии различных новшеств шведского происхождения (благодаря крестьянскому мореходству, контактам с городами, возникновению сельских заводов и т. д.) дать раздел, суммирующий все результаты этих воздействий, аналогичный тому, что посвящен средневековым чертам культуры шведского населения. Это дало бы более полную картину развития народной культуры и избавило бы книгу от имеющихся повторов.

В целом же работа Б. Лёнквиста представляется нам не только интересной, но и весьма важной и актуальной. Хотелось бы, чтобы автор опубликовал свою работу на одном из более доступных широкому кругу читателей европейских языков. При этом ее можно было бы расширить в плане сделанных нами, именно с точки зрения зарубежного читателя, замечаний.

Н. В. Шлыгина

НАРОДЫ АМЕРИКИ

L. Carlson. *Indians, Bureaucrats and Land. The Dawes Act and the Decline of Indian Farming.* Westport — London, 1981, XII+211 p.

В ходе бурного развития экономики США после Гражданской войны 1861—1865 гг. резко сократился фонд общественных (государственных) земель. Это обстоятельство оказало решающее влияние на судьбы индейского населения Соединенных Штатов. Земельная база аборигенов, составлявшая к 1890 г. 121 млн. акров (1 акр = 0,4 га)¹, в условиях интенсивного вовлечения в капиталистическую экономику новых регионов приобрела в глазах представителей правящих кругов США значение дополнительного территориального резерва.

Для того чтобы получить возможность захвата общинных земель, имевших официально зафиксированный статус коллективного владения, конгресс после длительных дискуссий в 1887 г. принял закон Дауэса, согласно которому земли резерваций, являвшиеся собственностью соответствующей общины, делились на участки-аллоты площадью 160 акров и отдавались в индивидуальное владение каждой индейской семье (ст. 1). Оставшиеся после аллотирования (раздела) земельные «излишки» изымались из собственности племени и продавались с аукциона всем желающим (ст. 5)². В результате действия закона Дауэса, отмененного в 1934 г. президентом Ф. Рузвельтом, общая площадь индейских земель сократилась более чем в два раза, составив к моменту отмены закона 56 млн. акров³.

К сожалению, тот факт, что закон Дауэса стал причиной кризиса хозяйства резерваций, не получил должного освещения в трудах большинства американских ученых. В этой связи монография специалиста по экономической истории США Л. Карлсона, в которой рассматриваются последствия закона о разделе общинных земель для сельского хозяйства индейских резерваций, заслуживает серьезного внимания.

Центральной проблемой книги, пишет автор, является «изучение закона Дауэса как способа передачи индейских земель белому населению, которому сопутствовала попытка реформы правовых норм общин и изменение социально-экономических условий существования аборигенов» (с. 22). Детально проанализировав эти сложные проблемы в разделе «Индейский вопрос и политика аллотирования» (с. 3—26), Л. Карлсон исходит из совершенно справедливой посылки, что индейская политика федерального правительства конца прошлого века может быть объяснена только в широком контексте изучения экономического развития американского государства и его аграрной истории в целом (с. 4). Объективной ее целью стала попытка разрешить потребности в землях белого населения, используя в качестве общественного фонда территории индейских резерваций одновременно с насильственным вовлечением их жителей в американское общество (с. 7—9).

В американской исторической литературе идет длительный, но вместе с тем риторический спор относительно того, было ли принятие закона Дауэса трагической для

¹ U. S. Department of the Interior. Office of Indian Affairs. Annual Report of the Commissioner on Indian Affairs (ARCI) 1880—1917. Wash., 1891—1917. For 1890, p. 488.

² U. S. Statutes at Large. Wash., 1887, v. 24, p. 388—391.

³ U. S. Bureau of Indian Affairs. (BIA) Annual Report for 1953. Wash., 1953, p. 29.